

18+

Игорь Шиповских

Пять сказок о молодцах- удальцах

Новеллы-сказки

Игорь Шиповских

**Пять сказок о молодцах-
удальцах. Новеллы-сказки**

«Издательские решения»

Шиповских И. Д.

Пять сказок о молодцах-удальцах. Новеллы-сказки /
И. Д. Шиповских — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984185-8

Сказки о молодых удальцах и их делах, о любви и верности, о равнодушии и лени, о робости и храбрости, о купеческой хватке и неожиданной отплатке, о надменности и самонадеянности, о дивной дикой природе и её загадках, о людях, стремящихся их разгадать, и препонах на их пути. А ещё о страсти и коварстве, о счастье и печали, о снисходительности и спеси, о щедрости и скупости, о преданности и предательстве, в общем, обо всём, что необходимо человеку, дабы обрести себя и понять истинную ценность жизни...

ISBN 978-5-44-984185-8

© Шиповских И. Д.
© Издательские решения

Содержание

Сказка о юном молодце Тимофее и его похождениях на выручку своей зазнобушке Евстегнеи	6
Сказка о хитром пареньке Алёшеньке и его зазнобушке Любушке	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пять сказок о молодцах-удальцах
Новеллы-сказки
Игорь Шиповских

© Игорь Шиповских, 2020

ISBN 978-5-4498-4185-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о юном молодце Тимофее и его похождениях на выручку своей зазнобушке Евстегнеи

1

Думаю, каждый из нас в своём детстве держал у себя дома какую-нибудь очаровательную зверушку. И будь то пушистый хомячок, или крохотный котёнок, либо весёлый щенок, всех их мы с восхищением любили и лелеяли. Для нас они были маленькими друзьями, играя с которыми мы забывали все свои горести и печали.

Однако не надо думать, что все из нас одинаково ровно любили своих питомцев и с одинаковой преданностью ухаживали за ними. Были, конечно же, и такие которые иной раз забывали накормить своих зверят или же вовремя сменить им воду в поилке. А иногда встречались даже и такие кто не сразу полюбил своего маленького друга.

Иным ребятам понадобился не один год, прежде чем в их душе проявилась хоть какая-то капелька привязанности к своему крохотному питомцу, и не только к нему, но и к остальным животным вообще. И вот об одном из таких не любителей зверят и пойдёт речь в этой чудесной истории.

А началась она очень давно, настолько, что в те времена в нашем царстве-государстве ещё правил царь-батюшка, а в деревнях людей жило вдвое больше чем в городах, и все они с лихвой обеспечивали державу нашу хлебом, крупой, овощами да курами с гусями. Да-да, были такие времена, когда одна маленькая деревушка могла запросто два города прокормить. Сейчас такого, конечно же, нет, а вот тогда было.

А всё потому, что в те времена народ в деревнях был более работающий и природу любящий. Не особо-то люди в те годы в города тянулись. В полях да лугах всё больше резвились, им там сподручней жить было. Дышалось им там легче и свежей, а оттого и работа у них спорилась да шла веселей. Но опять-таки, не все люди были одинаково работающи и трудящи, случались и такие что любили пофилонить да поваляться на печи, бока погреть пока другие трудились.

Вот как раз таким-то лежебокой и был один юный отрок по имени Тимофей. Годков ему от роду было шестнадцать, и он практически их все провёл на печи отдыхая. Нет, ну, разумеется, он не всегда был лодырем, иногда он и спускался с печи, помогал родителям, ходил за водой к колодцу, и бывало даже колол дрова да тесто месил. Однако вот так, чтобы как все в поле да в лесу в полную силу работать, такого не было.

Но зато Тимофей был очень уж любознательный, и всё время норовил что-нибудь новенькое узнать да как следует понять. И это у него с самого раннего детства проявилось. Он, как только под стол пешком ходить начал, так сразу же стал за всё хвататься да всем интересоваться. Ну, это и немудрено, ведь интерес этот у него наследственный был.

Батюшка-то его служил местным писарем при управе, потому считался человеком образованным, и у них в доме всегда в изобилии имелось много всяческих учёных книг. Вот их-то маленький Тимоша и взялся исследовать, листать да картинки какие находил разглядывать. Так что вырос он умненьким и любознательным. А пока рос, то всё больше на печки лежал, ленился, книжки читал да шанюшки жевал.

И оттого у него бока отросли, да брюшко образовалось, и стал он походить на бочонок с мёдом, вот только аромат от него не такой сладкий исходил. Пахло от Тимоши пирогами с капустой да щами с гусятиной. Уж так он их любил и много ел. Но это ещё полбеды. Вскоре он так обленился, что заявил родителям неслыханное требование. Дескать, надоело ему каждый раз с печи к столу спускаться. Мол, им теперь надлежит кушанье ему наверх подавать. На что его матушка очень удивилась и с упрёками к нему обратилась.

– Да ты что сыночек, милый, ... совсем уже, что ли ходить разучился?! Иль окончательно обленился? И так уже весь залежался, жирком заплыл, ... того и гляди печь под тобой проломиться! Эх, ... ну я вот так и знала, что не доведут тебя эти книжки до добра, ... что же ты с собой делаешь-то, ... посмотри, вон другие-то ребята по полям да по лесам бегают, в салочки играют, дружбу меж собой водят, жизнь весело проводят! А ты всё лежишь и лежишь, так ведь и пропустишь всё веселье, ... да и здоровье своё потеряешь, ... шёл бы ты лучше прогуляться ... – любя отчитывала она его.

И ведь была права, потому как толк в здоровье знала, ведь она у здешнего медика-лекаря в помощниках значилась и прекрасно понимала, что случается с малоподвижными людьми. Однако никакие материнские уговоры на Тимофея не действовали, он лишь огрызался да отговаривался.

Да ничего со мной не будет, ... вон, какой я справный, круглый, упитанный, лоснящийся! Вот ещё чуток почитаю, ещё немного посплю, да пойду и разомнусь, ... но тогда уж не только по родному леску да полю пройдуся, а по многим далям и весям прогуляюсь! В такие края заберусь, что вы только диву дадитесь! Весь мир повидаю, всё посмотрю! Уж всласть напутешествуюсь, вот увидите! Да-да, я вам всем докажу на что способен, ... вот те крест, ... ба-а-ажусь, что такое сделаю! – мечтательно восклицал он и тут же крестился.

Но только почему-то когда он божился то вместо буквы «О» звук «А» произносил, да ещё и как-то нараспев говорил, «ба-а-ажусь». И те, кто его в этот момент слышал, то слегка передразнивали и чуток посмеивались, уж настолько это забавно звучало. А со временем его так и прозвали «Тимофей-Бажен». И даже его матушка к этому прозвищу привыкла и супротив него ничего не имела.

– Эх ты, ... Бажен ты мой, Бажен, ... только и знаешь что божишься, ... а как дело до прогулки дойдёт, так ты опять спать ложишься ... – уже не в упрек, а ласково так, не раз говаривала она ему, на что Тимофей тут же находил себе оправдание.

– А как же мне не спать-то, ... ведь без сна мне никак нельзя, ... потому, как я ночью совсем выспаться не могу, ... а всё из-за этих соседских собак и петухов! Ох уж и надоели они мне, покоя от них нет! Утром как заведут свою шарманку, и давай беспрестанно лаять да кукарекать! Ни свет, ни заря, а они гомонят во всю глотку! Вот и поди тут, выспись, ... потому-то мне и приходится днём дремать! Ух, и не люблю же я их этих собак да петухов, ... уж больно они громкие ... – в очередной раз отговаривался он и вновь засыпал.

Впрочем, Тимофей лукавил, говоря, что не любит только петухов и собак. Нет, он не любил не только их, он вообще всех животных терпеть не мог, говорил, мол, они ему только мешают. И будь то полевой паучок или домашний сверчок всех их ждал от него щелчок. Только так он и мог с ними обращаться.

А уж что говорить про более крупную животину; о козах, о коровах, быках и лошадях, да он их просто на дух не переносил. Или же взять диких лесных зверей; медведей, лосей, волков, рысей, лис или же зайцев, все они вызывали у него отторжение, и более того, он их всех не на шутку боялся и откровенно ненавидел. Да при одном только упоминании о волке, волосы на его голове вставали дыбом, а сам он весь покрывался мурашками. И вот именно по этой самой причине Тимофеюшка всегда старался стричься наголо.

– Это чтоб всколоченные космы не выдавали мои испуг ... – мотивировал он и продолжал тщательно стричься. Ну а в остальном он был такой же, как и все юноши его возраста; так же весел, так же молод и безрассуден, но что особенно характерно для лежебок совершенно беспечен. А потому с ним однажды случилось то, что никто не ожидал, и вся его прежняя спокойная жизнь пошла наперекосяк.

2

Как-то ранним летним утром Тимофеюшку как обычно разбудил громкий лай соседских собак и безудержное кукареканье звонкоголосых петухов. Он широко зевнул и по при-

вычке потянулся за кружкой с водой, ну чтоб пересохшее горлышко промочить. Однако воды в кружке не оказалось, он её всю уже ночью выпил. Ночка-то выдалась душевной, да Тимошенька накануне ещё и малосолёных огурчиков объелся. Ну, он, разумеется, родителей окликнул, в надежде на то, что они ему воды принесут, однако никто не откликнулся.

А надо отметить, что они его очень любили, потакали ему во всём и всегда по первому же его зову спешили к нему на помощь. Но вот как раз может быть именно из-за этой-то любви он у них и получился такой круглый и упитанный.

Ну, это ладно, это уже всё случилось, а теперь, ввиду того, что родители его были ранними пташками, то они уже успели разбежаться по своим делам, и ему самому пришлось спускаться с печки и идти в сени за водой. Однако воды не оказалось и там.

– Вот же-шь досада... – хрипло просипел Тимофей и, состроив недовольную гримасу, поплёлся во двор к колодцу. Прямо как был, в ночной рубаше с подолом до земли, лысый, но в колпаке, с выпирающим брюшком и раздутыми щеками, так и пошёл. В общем видок у него был ещё тот. Но ничего уж теперь не поделать, уж больно ему пить хотелось и здесь совсем не до красоты, а зря. Подошёл он к колодцу, спустил в него ведро, зачерпнул полнёхонько, поднял его, и уже даже успел отхлебнуть пару добрых глотков, как вдруг из-за поворота, по пыльной деревенской дорожке, прямо на него глядячи, вышла гнать гусей на выпас, милая соседская девчушка с мягким и звучным именем Евстегнеюшка.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного, всё как обычно. Она каждое утро, изо дня в день, из года в год, в этот час гнала гусей на ближний луг, уж такова была её забота. Однако лишь с той разницей, что в этот год Евстегнеюшка сильно преобразилась и сделалась уже не той маленькой озорной девчушкой, что была прежде. За последнее время она резко вытянулась, подросла, похорошела, расцвела, налилась соками и неожиданно стала краше всех девиц в округе. И волосы-то у неё русые, пшеничным отливом сияют, и глаза-то у неё голубые, словно озёра чистые, и губы-то у неё алые, будто малина спелая, и даже носик её настолько аккуратен и пригож, что просто дух захватывает. А уж, какая она стройная и статная, таких ещё поискать надо.

И вот, наш недотёпа Тимофей, вдруг увидев эдакую красоту, остолбенел, да тут же горемыка и поперхнулся, последний глоток воды у него в горле комом встал. Замер Тимоша, ни вздохнуть, ни выдохнуть не может. Прокашляться хочет, а ничего у него не получается. От натуги выронил он ведро из рук, а оно ему со всего маху прямёхонько на ногу угодило. Ох, взвился тут Тимошенька, словно ужаленный. Глаза выпучил, покраснел весь, рот раскрыл, а вскрикнуть-то ничего и не может, комок в горле мешает. Запрыгал он, заскакал, руками замалхал, в рубаше до пола путается, мечется, словно блоха на углях, то к глотке, то к ноге тянется, колпак с него слетел, лысину открыл.

Со стороны всё это настолько потешно выглядит, что грех не засмеяться. Ну, разумеется, Евстегнеюшка так и сделала, не удержалась милая да весёлым смехом прыснула. А Тимошенька бедолага руками всё так и машет, глаза навывкате, и уже совсем зашёлся, задыхаться начал. Тут уж и Евстегнеюшка заметила, что с ним что-то неладное твориться, и ей враз не до смеха стало. Подбежала она к Тимофею и давай, что есть сил по спине его колошматить. Отчего комок у него в горле провалился, и он свободно задышал. Однако вымолвить пока так ничего и не смог. Зато Евстегнеюшка нашлась что сказать.

– Эх ты рохля деревенская,... ну, надо же, водой подавился! Что ж ты так не осторожно пьёшь-то,... ведь и до беды не далеко! Ишь какой водохлёб нашёлся,... весь упитанный, жирком пропитанный,... трясёшься, как холодец, того и гляди чёй-нибудь внутри тебя лопнет! – не то шутя, не то с радости что всё обошлось, весело воскликнула она. Тут уж и Тимоша оклемался.

– Да я-то что, я тут ни при чём, это всё ты! Я как тебя увидел, так у меня в голове всё и помутилось! Не ожидал я тебя такую увидеть,... я и думать-гадать не смел, что ты соседская

девчушка, так быстро вырастишь,... да ещё и в такую красавицу превратишься, вот и поперхнулся! – набрав полную грудь воздуха, разом выпалил он.

– Ха,... это что же получается, ты меня за красавицу принял, что ли?... ха-ха,... ты ещё скажи, что я тебе приглянулась,... ох и выдумщик же ты Тимоша,... ну и смешной! С детства меня знаешь, видел не раз,... да я ведь почти каждый день по этой дорожке хожу,... а ты только сейчас и заметил, как я выросла,... это как же так-то? – чуть зардевшись, немного кокетливо спросила Евстегнеюшка и стеснительно заулыбалась. А меж тем её гуси окружили Тимошу, и давай на нём место для щипков выискивать.

– Так ведь я нечасто на улицу выхожу,... всё больше дома сижу,... читаю да в книжки вникаю,... вот и не заметил, как ты выросла... – быстро оправдался он, да косо на гусей посмотрел, а они уже за подол его хватать принялись. Тут и Евстегнеюшка это увидела. – Эх ты, Тимоша-Тимофей сиди дома не робей,... почаще бы тебе надо на улицу выбираться,... а то всё только знаешь, что лежишь да читаешь! Ишь, какие бока отел,... срам сплошной,... вон, смотри, гуси тебя даже за мешок с требухой приняли,... щипать начали! А ну кыш пернатые, пошли вон от него,... ха-ха, это вам не сладкий корм! Ну да ладно, заговорила я тут с тобой, а мне ведь пора делом заниматься,... так что ты давай не ленись, да за себя скорей берись! – задорно усмехнувшись, воскликнула Евстегнеюшка, и быстро отогнав от Тимофея своих питомцев, поспешила дальше. А он бедняга так и остался стоять на месте, провожая её влюблённым взглядом, а то, что его взгляд был влюблённый, сомневаться не приходилось.

Да-да, так всё и случилось, наш Тимофеюшка до беспамятства влюбился в Евстегнеюшку, как говорится проникся возвышенными чувствами. Разумеется, до этого дня он не раз читал в отцовских учёных книжках о любви, и прекрасно знал, что происходит с человеком в такой момент. Уж об этом столько написано всяких романов и драм. Однако он и представить себе не мог, что с ним самим может произойти такое же, для него это стало знойным смерчем посреди ледяной пустыни. Жгучий, жаркий блаженный нектар любви живительным потоком сладкой неги моментально растёкся по его пылкому юному сознанию, вмиг завладев его душой.

С этого момента Тимофей уже не мог жить спокойно. Отныне все его помыслы были обращены только в сторону милой и очаровательной Евстегнеюшки. Каждый его день теперь начинался с того, что проснувшись с первыми петухами, он тут же выходил на улицу, и там стоя у калитки, ждал появления Евстегнеюшки в сопровождении её щиплющих питомцев. В этот момент в его душе не возникало ни капли неприязни к этим суетливым птицам. И даже наоборот, он сейчас очень радовался, когда они, косолапо семеня по дорожке, вываливались из-за поворота. Ведь это означало, что вслед за ними вот-вот появится предмет его страстного обожания. Вот как всё изменилось с того утра, когда он впервые увидел этих величественных деревенских птиц. Теперь он был им благодарен. И даже к петухам, будившим его ни свет ни заря, он сейчас относился как к своим лучшим друзьям. Уж так на него подействовала любовь к Евстегнеюшки. И всё же, невзирая на столь радужные подвижки в его настроении, к диким и большим животным он по-прежнему испытывал большую робость.

Однако это его сейчас мало заботило, ведь они были где-то там, далеко в лесу, а его любимая зазнобушка жила здесь, рядом, совсем близко. Стоило ему только встать пораньше, выйти за порог как они тут же встречались. И уж тогда они обязательно перекидывались несколькими доброжелательными фразами. После чего Евстегнеюшка весело покрасневшись, продолжала свой путь, а Тимофей, проводив её счастливым взглядом, бегом возвращался домой, чтоб подготовиться к их уже вечерней встрече. Ведь она также была немаловажна и имела большое значение для их зарождающихся отношений.

А то, что между ними возникли отношения, заметили уже все в околотке. И родители Тимофея, и родители Евстегнеи, и даже их дальние соседи, да что там говорить, почитай вся деревня теперь только и делала, что судачила об их странной дружбе. Впрочем, многие утверждали, что в этом нет ничего странного и удивительного, мол, дело молодое и вполне понят-

ное. Дескать, Евстегнеюшка девица-красавица и, разумеется, понравилась Тимофею, а он хоть и изрядно полнотел, да фигурой неповоротлив, зато умом ловок, проворен словом и интересен своей сообразительностью, вот они и сошлись.

А так оно и было, ведь Тимошенька слыл весьма начитанным молодым человеком, много знал, превосходно рассуждал и умел красиво излагать свои мысли. И это его качество, естественно, не могло не покорить юную, скромную, простую, но такую романтическую и полную возвышенных мечтаний деревенскую девушку, каковой собственно и являлась Евстегнеюшка. И если утром они перекидывались всего лишь парой приветственных фраз да обходились малым количеством слов, то уже вечером они давали волю своей фантазии, и их встреча больше походила на оживлённую беседу двух пылких друзей.

Тимофей, изрядно принарядившись для форсу, и основательно прикрыв ноги сапогами, чтоб его не пощипали гуси, подждал свою возлюбленную у соседского заборчика. И едва она появлялась на дорожке со своим птичьим выводком, как он тут же бежал ей навстречу, и у них вмиг завязывался непринуждённый разговор. Тимошенька заливался соловьём, изящно чеканил слог, отчаянно жестикулировал руками, улыбался и деловито гримасничал, пересказывая Евстегнеюшке сюжеты прочитанных им романов и драм. А она внимательно его слушала, и изредка вставляя свои замечания, задорно смеялась над театральной манерой его пересказа.

И так у них это теперь повелось и так всё пошло. Каждый вечер он встречал её, заводил приятную беседу и весело провожал до дома. А чуть позже, уже распрощавшись с ней на пороге, шёл к себе, и там уединившись, терпеливо ждал следующего утра. И надо сказать, не он один его ждал, впечатлительная и романтическая Евстегнеюшка тоже ждала рассвета. С недавних пор она прониклась к Тимофею большой симпатией и теперь, ложась спать, также мечтала о завтрашнем дне.

– Ах, ну и что же за чудесный человек этот Тимоша, ... вроде и неповоротлив, и чуть толстоват, и боками нелепен, ... но зато как говорит, как беседу ведёт, ... ведь заслушаешься! И сколько же он разного знает, и сколько всего изучает, ... порой, кажется, что умней его на свете, и человека-то нет! Посмотришь, а он даже с моими гусями общий язык нашёл, ... и ведь они его понимают, слушаются, и даже щипать перестали. Переговариваются с ним, словно соображают, о чём он просит! Ох, и славный же он парень, ... ах, как же он мне нравится, ... я определённо начинаю в него влюбляться. Ну и что, что он полноват и лысоват, ... ну и пусть, зато глаза у него добрые и душа светлая, ... скорей бы завтра да увидеться с ним... – засыпая, рассуждала она, сладко жмурясь от удовольствия. В общем можно было с уверенностью сказать, что Евстегнеюшка без пяти минут влюблена в Тимошеньку.

А меж тем время шло, и они в таких нежных и трепетных отношениях провели уже почти целый месяц. Ребята настолько привязались и прикипели друг к другу, что теперь абсолютно не мыслили себя без своих ежедневных встреч. Ах, какая чудесная это была пора. И всё-то у них складывалось мило, ладно и ровно, пока в один прекрасный вечер не произошло нечто странное и неожиданное.

3

В тот день всё было как всегда. Тимофей как обычно на вечерней зорьке стоял у соседского заборчика и смиренно ждал появления Евстегнеюшки с её гогочущими подопечными, к ним он уже давно привык, и теперь ему было даже стыдно за то, что он когда-то их презирал и ненавидел. Но вот настал час, и на дорожке забавно шипя и косолапо ковыляя, показались первые гуси.

Однако в их виде чувствовалось нечто такое, что сразу насторожило Тимофея. Не то они шипели громче обычного, не то ковыляли как-то подозрительно, этого сейчас не понять, но только их поведение сразу смутило Тимошу. Но что больше всего его насторожило так это то, что за ними не шла Евстегнеюшка. Её просто не было и всё тут. Гуси ковыляли сами по себе,

совсем одни, без чьей либо указки. Завидев Тимофея, они резко зачастили и понеслись к нему, словно он был им родня.

– Что такое? Где Евстегнеюшка? Что случилось? Где она? – кинувшись к ним навстречу, завосклил Тимоша, одновременно вглядываясь вдаль по дорожке, пытаясь рассмотреть там силуэт любимой. Однако всё напрасно, Евстегнеюшки нигде не было видно. Гуси же тем временем обступили его со всех сторон и стали наперебой гоготать, словно старались ему что-то сказать, будто хотели пояснить, что случилось. И надо же такому быть, Тимофеюшка понял, о чём они гогочут.

– Так-так,... что-что?... говорите чуть яснее,... – внимательно прислушиваясь к ним, попросил он, – ага-ага... вот сейчас понял,... так значит, старый дед позвал её помочь донести вязанку хвороста до его избушки,... она пошла, и назад не вернулась! А вы её ждали, ждали, ... да так и не дождавшись, сами обратно по дорожке домой пошли... – разобравшись в их гомоне, догадался он. А то, что он разобрал их невнятное гоготание, было настоящим чудом. Видимо под влиянием сильных переживаний у Тимофеюшки вдруг проявился природный дар понимать язык животных.

– Ага,... выходит хитрый старый дед заманил мою Евстегнеюшку в лес и теперь не выпускает её! Уж не тот ли это злодей, о котором все говорят,... ах, негодяй! – сделав вывод, всполошился он и тут же кинулся бегом на дальний луг, где ещё совсем недавно Евстегнеюшка гусей пасла. Да так рьяно кинулся, что даже забыл родителей о происшедшем предупредить, а гусей в сарай загнать, впрочем, они и сами добрались. Для него же сейчас важнее было найти любимую и вызволить её, нежели чем без толку голосить о случившейся беде.

А то, что случилась беда, он определил сразу, ведь по их деревни давно уже ходили слухи о старике-лесовике, который пользуясь человеческой добротой и доверчивостью, заманивал к себе в лес простых поселян. И что он потом там с ними делал, никто толком не знал, ходили разные слухи. Вот только из его владений редко кто возвращался, а те, кто вернулся, становились совершенно другими людьми, всё больше молчали да грядки усердно копали. Ну а все прочие сгинули в чащобе лесной, и никаких следов от них не осталось.

Были, конечно же, со стороны земских властей робкие попытки поймать того старика, и выяснить, кто он такой есть и куда людей подевал, однако все они провалились. Уж сколько солдатиков да разных стражников в тот лес по его душу посылали, а они так ничегошеньки про него и не прознали. Толи сильно хитёр старик-лесовик был, толи какие секретные заговоры использовал, но только его никто так и не нашёл.

Впрочем, была одна бабка-знахарка, что жила на краю деревни, так вот она сказывала, что дед тот, мол, вовсе и не человек, а оборотень дикий, зверь страшный, и что люди ему нужны для подпитки его колдовских чар. Вот он их и заманивает к себе, чтобы все жизненные соки из них выпить. Тимофей, разумеется, знал про тот бабкин рассказ, да он и сам читал в книжках про таких особей, а потому прекрасно понимал, какая участь ожидает его возлюбленную, коли он не вызволит её в ближайшее время. И хоть он был и толстоват, и казался неуклюжим увальнем, но, не смотря на это, он в два счёта домчался до опушки леса, откуда исчезла Евстегнеюшка. Прибежал он туда и давай по сторонам оглядываться да след её искать.

– Да,... это тот самый луг,... вон кругом трава гусями пощипана! А вон и хворостинка лежит, которой Евстегнеюшка их погоняла,... а вон на кусточке ветка надломлена, словно кто-то в лес торопился да помял её! Знать туда мою голубушку старец заманил... – осмотрев всё вокруг, определился он и на секунду задумался. Хотя думать-то ему и некогда было, ведь уже вечер надвигался, темнеть начинало, а ему в лесную чащобу идти надо. А там звери дикие с когтями острыми да с зубами кусачими, ну он и струхнул чуток, да задумался.

– Ну что же, выбора у меня нет,... ждать мне тут больше нечего, пойду искать,... иначе потеряю я свою любимую Евстегнеюшку навсегда... – рассудил Тимофей, и как бы ему ни было страшно, шагнул в лес.

Но едва он сделал пару шагов, как его вмиг со всех сторон окружили заросли дремучие да кусты непроходимые, колючие. И всё-то внутри них шевелится, ухает, шелестит да стелиться; ужас нагоняет, страх навивает. А Тимоша всё равно вперёд идёт, не сгибается, через ветки жёсткие, сквозь чащу тёмную пробивается. Вот только жаль, что он пока ещё и сам не знает, в каком направлении ему лучше продвигаться, где ему Евстегнеюшку искать. Уже час он идёт, исцарапался весь, бока ободрал, лицо всё в ссадинах, ветками исхлестал, сапоги вдрызг разбил, а от кафтана одни лохмотья остались.

– Ох, и плохо же мне сейчас,... – думает он, – а Евстегнеюшке-то ещё хуже,... и что же с ней тот старый упырь теперь делает,... небось, изгаляется, измывается,... душу из неё вытягивает,... силы забирает! Скорей бы мне уже найти мою голубушку, да вызволить её из лап старика противного! Эх, ещё бы мне и дорогу к нему знать наверняка,... а то плутаю по лесу и всё без толку,... подсказал бы хоть кто где его искать,... а рядом-то никого и нет,... кругом лишь одни шорохи да шелест раздаётся, и ни души не видать. Ох, как же я устал,... отдохнуть бы сейчас... – пробираясь сквозь колючие кусты роптал он. И вдруг лес, словно услышал его стелания, взял и расступился. Тимофей вмиг на широкой полянке очутился. А сверху на него уже луна светит, и всё небо в ярких звёздах утыкано.

– Да уж, вот это я забрался,... и сам не знаю куда,... даже и не заметил, как ночь пришла... – чуть удивлённо прошептал он, и хотел уже было присесть на травушку, как на него из кустов, что напротив росли, здоровенный заяц выскочил да со всего маха ему на руки запрыгнул.

– Помоги мил человек,... спрячь меня,... за мной серый волк гонится... – на каком-то странном лесном языке взмолился он. А Тимоша от такого его говора вмиг остолбенел и рот от изумления раскрыл. Где ж это видано, чтобы заяц в лесу на руки вскакивал, да ещё и защиты просил.

– Чего-чего, ты говоришь?... не пойму я что-то... – оторопело пролепетал Тимоша, хотя сам уже прекрасно догадался, о чём его заяц просит.

– Вот же-шь недотёпа,... да спрячь же ты меня скорей,... засунь меня в кафтан, чтоб не видно было,... а то ведь меня волк задерёт! – нагло и даже как-то возмущённо пропищал заяц, и вмиг к Тимоше запазуху юркнул. И только он там спрятался, как на поляну серый волк выскочил.

Да не просто волк, а такого размера, что трёхгодовалый телок по сравнению с ним щенком покажется. Выскочил, зубами клацает, носом воздух обнюхивает, щерится, дышит тяжело, запыхался, глазами во все стороны зыркает. Тимоша увидел волка и совсем растерялся, ноги подкосились, расползаются, не держат его касатика. Ведь он-то про таких лесных зверей только в книжках читал да на картинках видел, а тут на тебе, вот он зверюга какой. Вот и заробел пуще прежнего Тимоша, враз вспомнил, почему он диких зверей сверх меры боялся и за что терпеть не мог. Мало того что наглый ему заяц за шкуру забрался, так теперь ещё и матёрый волчище на него наскочил.

– Эй ты, пухлый дохлик, зайца здесь не видел?... не пробегал ли тут косою!? Он у меня морковку стянул,... ух, я его поймаю, взбучку ему устрою!... чую, он где-то рядом прячется! Ну что молчишь,... иль я не понятно изъясняюсь?... так видел ты его или нет?! – в упор, уставившись на Тимофея, грубо прорывал волк. А Тимошенька стоит, смелость напрочь отбило, ртом воздух ловит, а слова вымолвить не может.

– Да ну тебя,... только время с тобой теряю! – зло взревел волк да дальше в лес помчался. А заяц-то меж тем почуял, что волка больше нет, да из запазухи выглядывает.

– Ха,... удрал-таки серый! Да кем он себя возомнил,... меня догнать решил, глупенький! Да не появился ещё белом на свете тот волк, что поймать меня сможет! – спрыгнув на землю, хвастливо заявил он. Тут вроде и Тимоша в себя приходить начал и тоже заговорил.

– Ничего понять могу, ... как же так? ... волк посреди ночи за зайцем по лесу гоняется, ... готов взбучку ему задать из-за какой-то там морковки, ... да оба ещё и на человеческом языке говорят! Как такое возможно!? – удивлённо пролепетал он.

– Ну, это ты загнул, ... не на каком человеческом языке мы не говорим, ... это всего лишь наш простой лесной звериный язык. Другое дело, что ты его понимаешь, да и сам на нём общаться можешь, ... вон, ты даже и не заметил, как со мной разговариваешь, ... видать у тебя способность к нему есть. ... – вольготно развалившись на травке, заметил заяц и лукаво улыбнулся, чем вызвал у Тимоши ещё большее удивление.

– Это как же так получается, ... неужто я настолько образованным стал, что мне теперь запросто с животными разговаривать можно?! ... вот так-так! – заключил он и тут же к зайцу обратился.

– Слушай, косой, ... меня эти ваши дела с волком не касаются, ... это вы сами там как-нибудь разберётесь, кто у кого морковку стащил, ... а вот то, что я тебя сейчас от него спас, так это точно! Вот и получается что за тобой должок, ... так что окажи мне услугу, ... расскажи, где тут у вас в чащобе старик-лесовик живёт, ... есть тут такой, ... наверняка ты знаешь, где он обитает. Он мою зазнобушку Евстегнеюшку в лес заманил, и теперь погубить хочет, ... вот ты и подсоби, подскажи мне дорогу к нему, ... помоги, друг зайчишка. ... – умоляюще запросил Тимофей и даже прослезился.

– Э, малый, ... ну, ты чего нюни-то распустил, ... может я и знаю, где он обитает, ... ну и что с того! Да с чего ты вообще взял, что я тебя к нему отведу, ... а может он и правильно делает, что людей в чащу заманивает да не отпускает потом. Ведь у нас в лесу свои порядки, ... веками заведённые, ... и лесовик знает что делать и просто так он никого заманивать не станет. Видать для чего-то важного твоя зазнобушка ему понадобилась, ... вот и увёл он её с собой, ... а ты ему только помешаешь своими поисками. ... – дерзко ответил Тимоше заяц.

– Ага, ... так выходит, ты всё же знаешь, где старик-лесовик живёт, ... вот только выдавать мне его не торопиться, и мои страдания тебя не трогают! Ну что же, ладно, ... знал бы я раньше, что ты такой, так не стал бы тебя от волка прятать! И вообще, ты как хочешь, но я всё равно пойду искать свою Евстегнеюшку, ... спасу её и без твоей помощи, ... выведу из леса! – решительно заявил Тимофей и, посмотрев на звёздное небо, стал наугад выбрать направление, куда ему дальше двигаться.

– Хи-хи, ... ты это что же по звездам, что ли хочешь найти лесовика!? ... да ничего у тебя не получится! Он и не таких как ты вокруг пальца обводил, и плутать по лесу заставлял! Да ты хоть знаешь, что он дикими зверьми себя окружил, ... там и лоси, и медведи, и зубры с рысями, ... и все они у него в услужении, ... охраняют его, берегут, стерегут, и никого к нему не подпускают! И ты один, супротив такой рати выступить собрался? ... не убоишься ли, ... хватит ли у тебя смелости, ... у лежебоки-то домашнего? – заносчиво ухмыляясь, спросил его заяц.

– А ты откуда знаешь, что я лежебока!? Впрочем, мне сейчас не до этого, ... некогда выяснять! Я теперь решительно настроен! Идти мне надо, ... и я теперь ничего и никого не боюсь! Нестрашны мне ни волки, ни медведи, ни лоси с рысями! Когда речь идет о Евстегнеюшке ничто меня не остановит! – резко осмелев, уверенно воскликнул Тимофей и всю его усталость вмиг как рукой сняло.

– Ох, и бахвалишься же ты! Помни, лесовик и ни таких как ты обламывал! Он бывалых охотников так наказывал, что они навек в лесу оставались, ... дикие звери их не выпускали, так до конца жизни в чащобе и держали! А уж тебя-то, пирожка пухлого, они и подавно приструнят! Ну, иди-иди, ... вот он устроит тебе приём, ... получишь ты от него гостеприимную встречу! – вскочив с места, нахально съёрничал заяц.

Но Тимофей его уже не слышал, он, быстро раздвигая заросли руками, стремительно продвигался дальше вглубь леса, наугад определяя дорогу к пристанищу лесовика. Однако в этом-то и заключалась его ошибка. Нельзя было ему ночью, да ещё и не зная точного направ-

ления отправляться в путь. Недаром же говорят; «не зная броду, не суйся в воду». Пусть даже определяя дорогу и по ярким звёздам, ни чему хорошему это не приводит. И как бы Тимофей ни был целеустремлённо настроен, усталость и разодранные вдрызг сапоги сделали своё дело.

Уже через час поисков, темп его продвижения замедлился, и он изредка поглядывая вверх, на едва видневшееся сквозь заросли звёздное небо, начал подумывать о передышке. И вот тут-то опять случилось нечто негаданное. Густые заросли вдруг вновь внезапно расступились, и перед ним очутилась та же самая поляна, где он ещё совсем недавно разговаривал с зайцем. Правда на сей раз ему навстречу никто не выскочил и на руки не запрыгнул. Всё было тихо и спокойно, разве что луна со звёздами светили чуть ярче, словно возвещая о начале конца ночи.

– Это что же получается, ... всё это время я ходил по кругу, ... и опять набрёл на то же место! Выходит заяц был прав, нельзя доверять звёздам в ночном лесу, ... они могут и обмануть. А может, это я сам виноват, ... что-то неправильно вычитал в своих астрономических книжках, неверно истолковал, вот и заблудился! Или же это всё-таки старик-лесовик со мной забавляется, дорогу мне закругает, плутать заставляет! Эх, ну да ладно, теперь это уже не важно, ... придётся здесь на ночь оставаться! Отдохну, да с утра с новыми силами опять начну путь-дорожку к моей милой Евстегнеюшке искать. Эх, как она там сейчас сердечная ... – присев на травку задумался Тимофей, да за такими мыслями и не заметил, как уснул. Но долго спать, ему не пришлось, ведь до утра оставалось совсем немного.

4

Пробуждение Тимофея было таким же внезапным, как и всё его неожиданное путешествие. Проснулся он от того, что кто-то нагло и вкрадчиво облизывал его лицо большим и шершавым языком. Открыл Тимошенька глаза, а над ним огромная рогатая лосинная морда маячит, да притом ещё и ехидно улыбается.

– Ну что выпался человеке, ... долго же я ждал пока ты глаза откроешь ... – совершенно внятно произнесла морда и даже как будто как-то по-лосиному заржала. От чего Тимофей, конечно же, подскочил как ошпаренный и заорал что есть мочи.

– Не трогай меня! Не смей прикасаться! Не вздумай меня бодать, ... я пришёл с миром, ... я никого не обижал! Это всё старик-лесовик виноват, ... это я по его вине здесь, ... он в ответе за всё, а не я! – заголосил он и уже было собрался бежать, но лось почему-то ласково ткнулся ему мордой в плечо и остановил его.

– Да ты что милоч, ... с чего ты взял, что я тебя бодать стану, ... да мне это и в голову не приходило! Я просто шёл мимо, ... травку жевал, росу собирал, ... а тут ты лежишь и спишь, ... весь такой скрюченный, такой бедненький, ... жалко мне тебя стало, вдруг ты подмёрзнешь да простудишься, на прохладной земле-то лёжа, ... вот я и разбудил тебя, не дал захворать! Так что ты зря на меня наговариваешь, ... бодать я тебя не собирался ... – забавно встряхнув рогами, ответил лось.

– Ну, тогда извини меня, что так плохо о тебе подумал! Это всё из-за зайца, которого я вчера здесь повстречал, ... он сказал мне, что у старца-лесовика, коего я ищу, дикие звери в услужении ходят и охраняют его, ... мол, они к нему никого не подпускают и всех кого в лесу встретят, в клочья рвут и бодают! Вот я спросонья и принял тебя за такого зверя, ... подумал, что ты меня сейчас бодать начнёшь ... – немного успокоившись, ответил Тимофей и стал по сторонам оглядываться, водицу искать, уж больно ему пить с испугу захотелось.

– Ха-ха, ... тоже мне нашёл, кого слушать! Да все зайцы в лесу самые первые плутишки и врунишки, ну разве можно им верить! Ты должен знать, что не все дикие звери одинаково злы и бодливы! Да и не все они в услужении у лесовика находятся, ... ведь мы звери, как и вы люди, ... среди нас разные особи встречаются! Есть те, которые любят прислуживаться, а есть и такие что чересчур свободолюбивы, и зависеть не от кого не собираются! Так что ты зря всех диких зверей под одну гребёнку ровняешь, ... и про меня, про старого почтенного лося,

всякое нехорошее предполагаешь! Впрочем, вскоре ты и сам во всём убедишься, а пока у меня к тебе дело имеется,... вот только, как я погляжу, тебе пить шибко хочется,... вон, как голову по сторонам воротишь! Так ты тут источника не ищи, нет его здесь,... а вот росы на травке хватает, попей её,... насобирай в ладошку, капелька по капельке, и испей... – заметив, как Тимоша жадно ищет глазами влагу да от жажды мучается, предложил ему лось. А Тимофей так и поступил, насобирал полную пригоршню капелек росы, да и всласть напился. А напившись, поблагодарил лось.

– Ох, и спасибо же тебе за подсказку,... такого мудрого совета в моих разумных книжках не прочесть,... надо бы мне самому, свою книжку написать! Ну да ладно, это потом, а сейчас будь добр скажи мне дедушка лось какое у тебя ко мне дело?... – утерев рот рукавом, спросил Тимоша.

– Да дело-то простое,... ходил я тут как-то недавно по горному распадку, солончак искал,... да и не заметил, как небольшой камушек ко мне в копыто забился,... застрял там и не выпадает, ходить мне спокойно мешает. Нет ну, конечно же, можно и так прожить,... но уж лучше бы мне его убрать,... так вот и помоги мне, вытащи его,... сам-то я никак этого сделать не смогу, не получается у меня! Я уж и так и эдак пытался, а он всё с места не сдвинется,... видать хорошенько застрял... – попросил Тимошу лось и копыто ему своё подставляет.

– Э,... а ты меня случаем не лягнёшь?... а то я буду камень вытаскивать, а ты не сдержишься, да ударишь меня,... а мне ведь ещё старика-лесовика искать надо... – вдруг засомневался Тимофей.

– Нет, ну что ты,... как можно! Я терпеливый, я всё выдержу,... ты только давай, побыстрей выковыривай его! А я уж тебе, за твою добрую услугу отплачу, любое твоё желание исполню... – уверил его лось.

– Хм,... ну тогда хорошо,... и хоть мне ни разу не приходилось в лосинных копытах ковыряться, думаю, я справлюсь с этим! Ну, давай посмотрим, что у тебя там... – хмыкнув, заявил Тимоша, и уже совершенно без опаски подошёл к лосю.

А лось-то по сравнению с ним словно гора стоит, одни только ноги у него с человеческий рост, голова с пивную бочку, а рога так раскидисты, что крону могучего дуба напоминают. Тимоше бы в пору испугаться столь крупных размеров, а он нет, как ни в чём не бывало, схватил лось за его копыто и давай разглядывать, что там в нём застряло. А там и вправду камень засел, да только не небольшой камушек, как лось говорил, а громадный булыжник. Это он для лось маленький, ведь лось сам огромный, а для Тимофея это уже здоровенный булыжник.

– Ого! Ни чё себе камушек! – воскликнул он, – ну да ладно,... придётся постараться,... глядишь, и вытащу его... – присмотревшись к камню, уже более спокойно добавил Тимоша, и тут же за дело взялся. Подобрал обломанный сук, что после грозы остался, просунул его в зазор между копытом и камнем, и давай раскачивать, словно занозу из пальца доставать, только в сотни раз больше. Качал он так, качал, да на десятом качке камень поддался и выскочил.

– Уф,... ну и дела,... вот уж он у тебя засел,... и давно ты так с ним ходишь?... – усталый, но довольный спросил лось Тимофей.

– Да почитай уже месяц хожу,... вот как последний раз у горного распадка старика-лесовика повстречал, так с тех пор он у меня и застрял... – облегчённо вздохнув, ответил лось, да и сам того не заметил как о лесовике проговорился. Впрочем, кто знает, может он и специально про него вспомнил. Ну а Тимофеюшка, разумеется, сразу за это ухватился.

– Как это ты лесовика повстречал? Где? Что же ты мне раньше-то ничего не сказал?... ведь ты же знаешь, что я его ищу! Он же-шь мою зазнобушку Евстегнеюшку в лес увёл,... обманом заманил, и не отпускает обратно,... потому-то он мне и надобен,... хочу, чтоб он её освободил! – возмущившись, воскликнул Тимоша.

– Ну, так ты же мне раньше-то про это ничего ясного не говорил, ... так только, экивоки да намёки, ... вот я и молчал. Да не волнуйся ты, дело-то поправимое, ... чего за зря голосить, ... я ж тебе уже сказывал, что за услугу твою я тебе отплачу, ... вот и настал час расплаты! Так что залазь-ка ты на меня, ... садись на загривок, ... цепляйся там покрепче, а я тебя в то место, где лесовик обитает, вмиг отвезу. – по-доброму от души, пробасил лось и любезно наклонился, чтоб Тимофеюшка мог на него беспрепятственно взобраться. А Тимоша так и сделал, ухватился за шерсть и вскарабкался к лосю на загривок, хоть и с трудом, но зато надёжно. Да и расположился там ничуть не хуже чем у себя дома на печи.

– Ну всё, я залез, ... поехали! – устроившись поудобней скомандовал он и уже было приготовился к приятному путешествию, но не тут-то было. С первыми же шагами лося его так начало кидать и швырять из стороны в сторону, что ему показалось, он попал на качели.

– Ой-ой, ... ойю-шки, ... ты бы не мог идти поравней. – дрожащим голосом запросил он.

– Да ладно тебе неженка, ... тоже мне лежебока нашёлся! Ха-ха, ... всё бы тебе на печке лежать да отдыхать, ... а тут двигаться надо, вот и качает тебя словно кораблик в бурном море по волнам! Но ничего уж теперь не поделаться, ... я по-другому ходить не умею, ... придётся тебе чуток потерпеть, зато намного быстрее к лесовику доберёшься. – постарался успокоить Тимофеюшку лось, и надо сказать, ему это удалось.

– Хорошо, потерплю, ... ради любимой я на всё готов, ... даже на такую качку. – согласился Тимофей, и покрепче ухватившись за лося, продолжил болтаться на нём, будто он моряк на палубе корабля. Но вдруг в какой-то момент ему голову пришла беспокойная мысль, которая ещё долго не отпускала его.

– А откуда этот лось знает, что я лежебока любящий повалиться на печи? ... ведь я-то ему про это ничего не рассказывал? ... да и почему он про море с волнами заговорил? Ведь он же сухопутное животное, ... простой лесной зверь, ... и про море знать ничего не должен, ... какой-то он подозрительный! Да и не он один тут такой, ... да здесь почитай все звери какие-то сомнительные! То вопящий заяц из кустов выпрыгнет, ... то волк про морковку говорящий выскочит, ... а теперь ещё и лось, про море рассуждающий меня везёт, ... как-то всё в этом лесу не так. – невольно размышляя, думал он, степенно раскачиваясь на загривке.

Но вскоре от таких его раздумий и от такой плавной качки не осталось и следа, внезапно началась сильная тряска. Лось, выйдя из леса в предгорный распадок, резко прибавил ходу, отчего бедняга Тимофей стал содрогаться с ещё большей силой. Все его внутренности, бебехи, бока, даже брюшко заходили ходуном и заколыхались, словно холодец на блюде. Однако такая тряска длилась недолго, лось, быстро преодолев предгорье, остановился.

– Ну, вот и всё, ... слазь! Дальше пойдёшь сам, ... обиталище лесовика за теми горами, ... а мне туда нельзя, там для меня прохода нет, там я попросту застряну! Вон, видишь, меж скал узкая тропинка вьётся, ... вот тебе туда и надо! Я же свою часть уговора выполнил, довёз тебя, как и обещал, ... теперь пришла пора тебе смекалку проявлять, ... иди по дорожке она тебя к цели и выведет. – сказал лось, и вновь приклонил ногу, давая возможность Тимошеньке слезть с него.

– Ну что же, ... спасибо тебе за всё, ... очень ты мне помог, ... вот только растряс меня немного, ... ну да это ничего, главное я теперь знаю, куда мне идти. – поблагодарил лося Тимофей, и радушно распрощавшись с ним, немного пошатываясь, побрёл по тропинке, пережитая им болтанка пока ещё сказывалась. А лось, проводив его добрым взглядом, развернулся и, сделав всего пару шагов, растворился в горной дымке, словно его и не было.

5

Однако Тимофей этого уже не видел. Он охваченный своими раздумьями, быстро ступая по тропинке, уверенно взбирался ввысь на горный хребет, чтоб преодолеть его пиковую точку. От одной только мысли о своей возлюбленной Евстегнеюшки у него резко прибавилось сил

и энергии, и он почти сразу пришёл в норму от мучавшей его качки. В одно мгновение он почувствовал себя бодрым, ловким, крепким и лёгким в прямом смысле.

За то краткое время пока Тимоша болтался и трясся на лосе, с ним произошли существенные изменения. Бока его чудесным образом уменьшились, щёки опали, а живот вообще исчез, можно сказать, его порядком утрясло. Тимофей заметно похудел, постройнел, и его фигура стала теперь больше похожа на фигуру атлета. Примерно на такую же, какая бывает у борцов в цирке на ярмарке. Как-то однажды ещё в раннем детстве родители Тимоши водили его на такое представление, и он видел там подобных атлетов, видел и запомнил, и сейчас обратив внимание на произошедшие с ним изменения, очень изумился такому сходству.

– Ну, надо же, ... а прогулки-то по лесу и вправду идут на пользу, я теперь словно заново родился! Знать, права была Евстегнеюшка, говоря, что мне надо больше шевелиться и двигаться! Ах, какая же она умница, как же мне с ней повезло, ... вот только бы поскорей найти её да от старика-лесовика избавить, ... спасти мою голубушку, ... а уж там мы с ней заживём. ... – размышлял он, упорно продолжая идти вперёд.

Однако все эти его размышления сыграли с ним злую шутку. Пройдя, таким образом, почти целый час, он и сам не понял, как вновь очутился в густых зарослях. Оказалось, что пока он вот так вот шагал да рассуждал, он успел уже пересечь и сам перевал, и пройти его предгорье, и снова забраться в лес, но только уже в другой лес, в чужой и не знакомый, в тот в котором властвовал старик-лесовик.

Тимофей был настолько увлечён своими мыслями что, взойдя на самую вершину перевала, он быстро перескочил на другую его сторону и даже не обратил внимания, какой вид открывается с высоты. А вид оттуда открывался воистину великолепный. Там внизу в долине под горами существовал совершенно другой мир, абсолютно иная реальность.

Там в свете полуденного солнца листва на деревьях играла такими яркими красками, что просто голова кружилась от столь волшебного изобилия цвета. Вся растительность вокруг искрилась необыкновенным изумрудным мерцанием, везде гуляли серебряные блики изумительной красоты. А сама долина была наполнена призрачным лазоревым сиянием, исходившим от раскинувшегося у её подножия огромного безбрежного моря. От его великолепия и размаха захватывало дух, просторы его поражали, такого грандиозного зрелища свет ещё ни видывал. Вода в море была прозрачной и чистой, словно горный воздух на рассвете, а яркие переливы его волн сияли настолько диковинным блеском, что невозможно было оторвать взгляд. Прекрасней этого моря не существовало ничего, и то, что Тимофей попал сюда, было настоящим чудом, ведь до сей поры ни один человек, ни один путник не знал к нему дороги. Тимоша был первым кто преодолев перевал нашёл к нему путь, правда он и сам ещё этого не понял, до того он был поглощён своими мыслями.

Но вот теперь оказавшись в столь невероятном лесу, и немного пройдя по его сияющим кущам, он вдруг явственно ощутил новизну перемен. Он увидел всю необыкновенность этого места, заметил яркость красок, почуял свежесть морских ароматов, и уже было хотел остановиться и насладиться всем этим великолепием, но не успел. Тропинка, по которой он шёл, внезапно оборвалась, и он упёрся в заросший бурьяном тупик, заканчивающийся небольшим холмом с торчащей из него корягой. Тимоша, чтоб оглядеться вокруг, сходу вспрыгнул на эту корягу, но она неожиданно под ним хрустнула, накренилась, и он с треском провалился в какую-то глубокую яму, наполненную мягким валежником и жухлой листвой.

– Ой-ё-ёй! Где это я!? Куда это я попал!? – очутившись на дне ямы, закричал он, и уже было хотел вскочить на ноги, как его устремления были резко прерваны.

– Ты чего это орёшь, словно тебя белка укусила!? Ну-ка потише тут, ... не видишь что ли, я сплю, ... ишь раскричался, ... разбудил меня. ... – легонько ткнув его лапой, возмущённо прыгнул лежащий на листве медведь. Оказывается эта яма вовсе и не яма, а берлога, в которой после обеда отдыхал местный мишка.

– Ах, извините,... я нечаянно сюда упал,... просто шёл по лесу да вот провалился,... и шуметь я больше не буду... – приглядевшись в полумраке, кто рядом с ним, и в какое положение он попал, покорно пробормотал Тимоша и застыл в нерешительности.

– Ага,... провалился, значит,... ну что ж, ладно,... бывает такое,... да и ты на меня не сердчай, что нарычал на тебя,... сам понимаешь, я тут дремлю, посыпаю, и вдруг ты ко мне словно снег на голову сваливаешься,... ну, так я для порядка и рыкнул! А ты что ж за смельчак такой будешь, что один по лесу разгуливаешь? И вообще, откуда ты в наших краях взялся?... ведь мы-то тут акромя нашего старика-лесовика других людей давным давно не видали... – присмотревшись к Тимофею, мирно спросил медведь. А Тимошенька-то уже привык, что в этом лесу все дикие звери с ним душевную беседу заводят, и, не удивившись ничему, небрежно так молвит.

– Вот и ты, мишка косолапый, сразу про лесовика заговорил! Да здесь почитай все звери мне про него твердят,... а я ведь его ищу,... хотя мне толком так никто дорогу к нему и не указал,... может, ты меня проводишь!? – вопросом на вопрос дерзко ответил Тимоша.

– Ах, вот как,... прямо так сразу и проводить тебя! Ты мне не говоришь, кто ты есть такой и зачем сюда пожаловал, а я тебя проводи,... нет, так дело не пойдёт! Не хочешь говорить, вот и сиди здесь помалкивай, а я пошёл,... надо будет, сам отсюда вылезешь,... а я тебя вытаскивать не стану... – недовольно фыркнул медведь, и ловко подпрыгнув, одним махом выбрался из берлоги.

– Постой мишка! Прости меня за грубость,... устал я что-то нынче, вот и надерзил,... вытащи меня,... помоги, не бросай одного, а я тебе всё расскажу... – поняв какую нелепую глупость он совершил, взмолился Тимофей.

– Ага, опомнился значит,... осознал, свою ошибку! Ну, тогда молодец,... а то где ж это видано, чтоб в медвежью берлогу провалиться, да ещё и её хозяину грубить! Ну да ладно,... что было, то было,... вижу, парень ты невредный, покладистый,... хотя и с лесными зверьми общего языка находить ты не умеешь,... вот они, наверное, поэтому-то тебе дорогу к лесовику указывать и не хотели,... хе-хе,... ну, и горемыка же ты... – снисходительно усмехнувшись, разжалобился медведь.

– Это да,... это ты точно подметил,... с животными я общаться не умею,... не получается у меня! Не то они меня недолюбливают,... не то я им что-то не так говорю,... а отсюда и все мои неудачи... – тихо вздохнув, отозвался Тимофей.

– Вот-вот и я про тоже,... не умеешь ты правильно речь держать,... с животными по-доброму надо, без гонора,... а ты как?... Эх, воспитывать тебя ещё, да воспитывать! Ну а со временем глядишь ты и научишься с дикими зверьми ладить. А теперь подай-ка ты мне свою руку, ... вызволю я тебя из берлоги да к лесовику провожу,... засиделся ты у меня в гостях,... хе-хе-хе,... а по дороге и посудачим,... расскажешь мне, что да как... – совсем уже подобрев, сказал медведь и протянул Тимофею свою огромную лапу. Тимошенька вмиг за неё ухватится, и медведь легко его вытащил наверх. Они тут же отряхнулись от остатков пожухшей листвы и заведя негромкий разговор стали пробираться дальше в лесную чащу. Впрочем, долго идти им так не пришлось.

Пробравшись по чащобе ещё с пару десятков шагов, они быстро вышли на редколесье, и им стало намного легче идти. Медведь деловито косолапил, уверенно направляя Тимошу по своим следам. А тот послушно шёл за ним и всё рассказывал и рассказывал ему о себе, о своих домашних, о мечтах и книжках и, конечно же, о своей любви к Евстегнеюшке. Медведь же слушая его, изрядно усмехался, позёвывал и всё чаще посмеивался над его рассказом. Складывалось такое впечатление, что мишка всё это давно уже знает и выслушивает Тимошу лишь потому, что ему надо как-то скоротать время в пути.

Но вот что ещё удивительно, по дороге им попадались и другие обитатели леса, среди которых были и олени, и рыси, и лисы, и даже один заполошенный бурундук выскочил им

прямо под ноги, но все они и слова не проронили, увидев странный дуэт человека и медведя. Звери лишь почтенно кланялись и замирали в благоговейном трепете, ожидая пока они пройдут. Тимофей, заметив такое поведение зверей, сначала было удивился, но потом, подумав, списал всё это на слишком уж важный вид медведя.

– Ну не зря же в народе говорят, что мишка хозяин леса, ... вот звери и почитают его ... – рассудил он, и как ни в чём не бывало, продолжил говорить о своей жизни. Теперь Тимоша мог вполне спокойно общаться с медведем, он уже совершенно не боялся, что тот рыкнет на него или же как-то накажет. Станным образом медведь вселил в него какую-то прочную уверенность в том, что он теперь ему друг, что всё будет хорошо, и можно непринуждённо расслабившись продолжать путь. А Тимоша так и сделал, смело шагал вперёд, полностью положившись на медведя.

6

А меж тем время шло, путь становился всё короче, и новоявленные друзья быстро преодолев остаток леса, вдруг оказались в непосредственной близости к морю. Сразу пахнуло свежестью бриза, раздался гомон чаек, а из-за зарослей прибрежного кустарника послышался плеск волн.

– Что это там? Куда это мы попали? – ничего ещё не зная о существовании здесь моря, забеспокоился Тимофей.

– Эх ты, знаток всего и вся, ... тоже мне учёный муж, ... а ещё говоришь книжки читаешь, ... хе-хе, а сам того и не ведаешь что в любом лесу всегда какой-нибудь водоём да имеется, ... и будь то небольшая речка или же маленькое озеро, либо просто журчащий ручей он всегда есть! Ну а в нашем случае это безбрежное тёплое море, ... вон видишь, за тем пролеском оно и начинается! А вон там за поворотом прямо у морской косы стоит резной терем, ... и вот в нём-то, в том тереме и живёт старик-лесовик, ... а всё что ты видишь вокруг это его владения, ... так что считай мы уже к нему пришли ... – расплывшись в довольной улыбке, ответил ему медведь.

– Ну, надо же, ... уже пришли, ... всё так быстро получилось, ... а я даже и не знаю, что лесовику сказать, ... как у него требовать, чтоб он мне Евстегнеюшку вернул, ... чтоб домой её голубушку отпустил! Впрочем, мне теперь всё равно, ... я, если надо будет, готов сражаться за неё, ... и чем бы это ни кончилось, я от неё не отступлюсь и без неё отсюда никуда не уйду! – чуть растерянно, но в тоже время решительно заявил Тимофей.

– Эка ты распетушился, ... сражаться он собрался! А что если ты погубишь старика, ведь он наверняка уже немощный и слабый, и его легко победить, ... да и откуда ты знаешь, что он твоей Евстегнеюшки вред причинил, ... а? – продолжая улыбаться, лукаво прищурившись, спросил медведь.

– Да как же не знать-то, ... вон бабка-знахарка сказывала, что он злой оборотень, ... людей к себе заманивает да глумиться над ними! – тут же возразил Тимоша.

– Да мало ли что там твоя бабка сказала, ... слушать всех знахарок жизни не хватит! А ты вон лучше посмотри-ка туда, ... не твоя ли там зазнобушка в саду у лесовика ходит да яблочки собирает? ... – раздвинув последний ряд кустов, отделяющий их от моря, спросил медведь и указал Тимоше на бережок. А там и правду фруктовый сад раскинулся да не один, а с огородом и цветочной клумбой, а рядом с ними резной терем с мансардой стоит. Пригляделся Тимоша, а в саду-то девица ходит, и яблоки в корзинку складывает.

– Ох! Так это же она и есть, моя Евстегнеюшка! – воскликнул он и, не чуя усталости, со всех ног к ней кинулся. А она-то тоже его заметила, смотрит он к ней бежит, и навстречу ему бросилась. Встретились они на полпути, обнялись, схватились друг за дружку, стоят, милуются, и отпускаться не желают, уж так они соскучились.

– Ах, ты моя Евстегнеюшка ... – Ах ты мой Тимофеюшка ... – шепчут друг другу, да за руки держаться, а сердца-то у них от радости так и колотятся, так и бьются.

– Ах, Евстегнеюшка, лапушка ты моя, всё-таки нашёл я тебя,... и теперь уж мы навсегда вместе будем,... никому я тебя не отдам, не позволю тебя обижать,... жизнь положу, а только всё так и будет! А где же этот старик-лесовик, что увёл тебя от меня,... спрятался, что ли? ... пусть выходит!... я с ним биться за тебя буду! – вдруг разгорячился Тимоша, и уже было собрался идти искать старика, но Евстегнеюшка вмиг его охолонула.

– Да остынь ты,... ишь расхорохорился, забияка! Вон как ты в пути-то переменился,... был, тютя тютей, а сейчас прям богатырь,... постройнел, похорошел,... а уж каким решительным стал,... сразу видно прогулка тебе на пользу пошла! Ну а что касемо лесовика, так зачем же его искать,... вон он у тебя за спиной стоит... – ласково погладив Тимошу по щеке, мягко улыбнулась Евстегнеюшка.

– Как так за спиной?... да там же акромя медведя никого нет! – удивился Тимоша и резко оглянулся.

– Да-да, всё так и есть,... я и старик-лесовик, и медведь,... и ещё много кто... – откликнулся мишка и прямо на глазах у Тимофея стал преображаться. Сначала в лося, потом в волка, а уже из него, хорошенько встряхнувшись, сделался седовласым старцем.

– Вот это чудеса... – раскрыв рот, пролепетал Тимофей.

– А то, как же,... нам лесовикам без чудес никак нельзя, иначе порядка в лесу не будет... – усмехнувшись, сказал дед и, поправив кушак, подошёл к ребятам.

– Так выходит ты всю дорогу рядом со мною был,... с самого начала меня сюда сопровождал,... вот это да,... выходит, ты и волк, и медведь, и лось... – продолжал изумляться Тимоша.

– Точно так,... и даже более того,... я тот самый нахальный заяц, что у тебя за пазухой от волка прятался и который якобы у него морковку упёр,... хе-хе-хе... – искренне посмеиваясь над изумлением Тимоши, добавил лесовик.

– Но как же так,... ведь пока я с волком разговаривал, заяц у меня за пазухой сидел,... получается ты и там, и сям был,... а разве такое возможно?... – не унимался Тимофей.

– Ну, это ты так думал, что я у тебя за пазухой сижу,... а на самом-то деле я в это время уже волком обернулся и к тебе выскочил... – хитро подмигнув, заметил старец.

– Ну да! Вот так дела,... ну и мастер же ты перевоплощаться! Ты и вправду великий чудесник,... не зря же про тебя всякие небылицы складывают! Но вот только я понять не могу, зачем же тебе, такому признанному чародею понадобилось для меня все эти чудеса проделывать,... на что я тебе? – всё так же удивлённо спросил Тимофей.

– Ну, это просто,... прознал я как-то от своих друзей, деревенских животных, собак да петухов, что появился у них в деревне один шибко умный парень. И начитанный-то он, и сообразительный, и много чего знает-понимает, и мир-то посмотреть желает, и о великих путешествиях мечтает,... но вот беда, парень тот, лежебока и скромняга, лежит себе на печи, и слезть с неё не может,... да ещё и с животными не дружит,... не любит он их и побаивается! Вот и подумал я, а почему бы мне, старому чудеснику, не помочь этому парню с печи слезть да за дело взяться,... ведь парень-то он неплохой и голова у него светлая. Ну и решил я,... сделаю так, чтобы он наконец-то свою заветную мечту исполнил – в путешествие отправился! А заодно, думаю, научу его с животными дружить,... а как же иначе, ведь в любом путешествии разные животные встречаются,... а потому, надо обязательно знать, как с ними общий язык находить. И вот тогда, взял я да превратился в одного из гусей Евстегнеюшки,... это чтобы значит за тобой со стороны понаблюдать. Ну а там план, как из тебя из домоседа, сделать путешественника, сам собой на ум пришёл. Для начала я Евстегнеюшку сюда привёл, в тереме её поселил да вкусными фруктами угостил,... а уж потом и за тебя взялся,... испытание тебе устроил,... в лес тебя заманил да на деле проверил, каков ты есть. Ну а ты и не оплошал,... оказался как раз таким, каким я тебя и представлял; толковым, общительным и самое главное,... к зверям ты добр, а теперь ты ещё и знаешь, как с ними общаться нужно! Ну, и как, понравилось тебе моё испытание? – наскоро объяснив Тимоше, что к чему, переспросил его лесовик.

– Да уж, испытал ты меня на славу,... хитро всё придумал,... после такого, я зверей зауважал,... теперь я их почитаю и за своих друзей воспринимаю. Правду про тебя сказывают, что ты над людьми власть имеешь и как хочешь ими управляешь! Вот и меня по лесу плутать заставил, но зато на путь истинный направил,... нашёл я себя в твоём лесу,... понял, в чём моё истинное призвание, спасибо тебе! – поклонившись, поблагодарил старца Тимофей.

– Да ну что ты, это тебе спасибо, что всё уразумел и понял,... порадовал меня старика,... знать труды мои не напрасны были,... не каждый человек мою науку постичь может, в основном люди меня ругают да всё поймать норовят... – усмехнувшись, заметил лесовик.

– Это точно про такое я слышал,... говорили, за тобой даже целый отряд солдат снарядили,... как же ты от них ушёл-то, ведь их же-шь огромная артель была? – вдруг вспомнил Тимофей.

– Да, было дело,... что уж тут скрывать, искали меня солдатики,... но вот только люди-то они военные, служивые, и в лесных делах ничего не сведущие,... а потому мне их запутать и из леса выпроводить труда не составило, вот и ушли они несолоно нахлебавшись. Ну а то, что про меня всякие несуразицы рассказывают,... мол, я людей гублю да продыху им не даю, так это всё сказки,... притом я сам же их и выдумываю! А делаю я это для того, чтобы люди лишний раз в лес не совались,... ничего им тут делать, чужаков нам не надобно,... а то ведь впусти одного, так он тут же другим дорожку укажет! Понабежит потом народу толпа несметная,... повытопчут всё, повыгребут, испоганят лес, приведут его в непотребство,... а ведь нам со зверьми в нём ещё жить! Вот и приходится на всякие хитрости идти, чтоб посторонних от леса отвадить! Хотя и бывали такие случаи, что некоторые людишки проникали сюда,... но только они сразу ко мне в гости попадали,... а я их, кого в сад, кого в огород, работать отправлял, на перевоспитание значит, чтоб они впредь нос к нам не совали. Но потом я их всех всегда домой отпускал,... пусть у себя живут,... а лес – это дом для зверей и их друзей,... как раз для таких как мы с тобой. Ну что скажешь,... правильно я делаю, что чужаков в лес не пускаю? – откровенно ответив, поинтересовался старец.

– Сомнений нет, что ты всё правильно делаешь,... это всё важно и достойно,... но вот только, как же быть с нашими родителями?... ведь они до сих пор не знают, куда мы подевались,... думают, где мы да что с нами,... наверняка с ног сбились, ищут нас! Эх, им бы хоть какую весточку дать, что с нами всё в порядке, а то ведь беспокоятся понапрасну... – заботливо вспомнив о родных, заметил Тимофей.

– Да не переживай ты так,... не беспокоятся они,... потому как я давно уже их предупредил,... обернулся сизым голубем да слетал к ним,... попроведывал, а заодно всё им и рассказывал подробно! Да вон Евстегнеюшка знает, я ей об этом уже говорил,... так ведь? – успокоив Тимошу, обратился к Евстегнеюшке лесовик.

– Да всё так и было,... и я тому свидетель,... да и вообще мне у тебя в гостях понравилось,... я на многое по другому смотреть стала,... и теперь я также как ты Тимоша загорелась мечтой о дальних странствиях... – прильнув ещё ближе к Тимофею, заметила Евстегнеюшка. А лесовик тут же подхватил её мысль.

– Вот о том же самом я и говорил с вашими родителями! Сказал им, мол, не беспокойтесь, ваши дети – замечательные ребята,... они вас очень любят, ценят и привязаны к вам,... однако вы их скоро домой не ждите, потому как в том месте, где они сейчас находятся, у них непременно возникнет желание отправиться в путешествие,... уж больно, то место романтическое. Вот прямо так и сказал,... и ведь оказался прав! Впрочем, я ещё добавил, что со своей стороны я сделаю всё, чтобы ваше желание исполнилось! Услышав это, ваши родители одобрили мои намерения, нашли их благими, очень им обрадовались,... и благословили вас на все ваши дерзания! Вот я и решил, за вашу честность и преданность, за ваши чистые помыслы и верность друг другу, подарок вам приятный сделать, как говориться сюрприз предоставить, и прямо завтра же отправить вас в желанное путешествие! Это чтоб значит, вы побыстрее мечту свою

исполнили, мир посмотрели, разные диковинные страны посетили, и чтобы ты Тимофей всё сам лично воочию увидел и изучил, а не токмо в книжках прочитал! А заодно у тебя и время появится, чтоб свою собственную книжку написать,... всё так, как ты и хотел! – важно сообщил лесовик неожиданную новость ребятам.

– Вот уж спасибо! Вот уж удружил! Век помнить тебя будем,... никогда не забудем твоей доброты! Но уж только ты прости нас за глупый, наивный вопрос,... а как же мы в путешествие-то отправимся?... ведь у нас нет ничего, ни лошади, ни корабля, ни даже маленькой лодчонки нет, чтоб по морю поплыть... – хоть и радостно, но всё же с сомнением спросили ребята.

– Понимаю вашу озабоченность,... но не разделяю,... а потому взгляните-ка вон туда, вдаль, в море! Вон видите, у горизонта парус,... это корабль с моими друзьями мореходами идёт! Они как раз свой барк к нам в бухту правят,... вот на нём-то вы завтра в путешествие и отправитесь! Так что готовьтесь в путь-дорожку, мои дорогие,... берите с собой побольше съестных припасов, свежей родниковой воды,... из сада собирайте фруктов, ягод, овощей! Ну не зря же я их, в конце концов, выращивал! Они вам в плавание пригодятся,... сил, задора придадут, и бодрости духа прибавят! Ха-ха,... ну, так вперёд, за дело! – весело рассмеявшись, воскликнул лесовик.

А ребята, услышав от него такое, да ещё и увидев на горизонте настоящий морской корабль, пришли в неописуемый восторг. На радостях кинулись к старцу, и давай его обнимать, целовать да благодарить за столь бесценный подарок. А как мало-мальски успокоились, так начали к путешествию готовиться. Ну а потом, конечно же, и оно было.

Следующим же утром отплыли Тимофей с Евстегнеюшкой в своё первое путешествие. И длилось оно ни день, ни два, и даже ни месяц, а целый год. Ох, и где же они только за это время ни побывали. Везде были, почти весь мир объездили, много разных чудес повидали. И всё же много чего ещё интересного от них утаилось, а потому на другой же день после возвращения они отправились в своё новое плавание. Но это было лишь началом, дальше больше, потом было и третье, и четвёртое, и ещё много-много всяких странствий.

Так Тимофеюшка из простого лежебоки и нелюбителя животных превратился в великого путешественника и мореплавателя. Ну а вместе с ним и Евстегнеюшка сделалась большой почитательницей всевозможных странствий и приключений. И с тех самых пор, с того памятного знакомства со стариком-лесовиком они всё так и путешествуют по белому свету. Бороздят моря и океаны, открывают новые горизонты, познают неизведанные страны, изучают диковинных зверей и растения. Но самое главное они очень счастливы, что своим трудом и подвижничеством приносят огромную пользу и благо великому миру природы...

Конец.

Сказка о хитром пареньке Алёшеньке и его зазнобушке Любушке

1

Эх, сколько же на свете живёт всяких доверчивых людей и разных простаков. Конца и края нет их легковерию и наивности. Они готовы верить кому угодно и когда угодно, порой даже и, не вникая в суть вещей. И, конечно же, как в противоположность им всегда найдутся хитрые и изворотливые лжецы готовые поставить их доверчивость себе во благо, а им во вред. И такое зачастую встречается сплошь и рядом. А доказательством этому может послужить одна очень поучительная и правдивая история, случившаяся ещё в те стародавние времена, когда на Руси-матушке правил царь-батюшка, а люди старались жить честно.

Правда, не у всех это получалось одинаково хорошо. И на этот случай был в те времена очень справедливый, но забавный закон. Если же кого на хитрой лжи или на наглom вранье поймают, то ему на язык, чтобы почём зря не болтал, камень с его именем подвешивали. Так он потом с ним целую неделю по улицам ходил, и снять его не имел права, иначе ему грозила позорная казнь через утопление в нечистотах. А кто этому бедолаге навстречу попадался, тот мог сразу же определить, с кем имеет дело.

– Ага, смотрите-ка... Федот лгунишка, прогуливается... – или же, – Вон глядите-ка Яшка враль, поковылял... – посмеиваясь над лукавцами-обманщиками, говаривали им вслед люди. Однако иных врунов это не останавливало, и они так и продолжали изворачиваться и лгать. Впрочем, таких лжецов не больно-то и опасались, ведь их уже все видели и знали, что от них ожидать. Другое дело те, кто ещё ни разу не попадался. Эти ловкие врили совершенно безнаказанно обманывали и дурачили доверчивый народ.

И вот одним из таких лукавых хитрецов был молодой паренёк лет семнадцати от роду с весёлым и милым именем Алёшенька. Кто он, и откуда взялся, никто особо не интересовался, но только однажды в одно прекрасное утро он взял да и объявился на главной ярмарочной площади столичного города. Внимания на него почти никто не обратил, мало ли всяких пареньков шныряет среди торговых прилавков и лотков. Хотя не заметить Алёшеньку было трудно.

Внешне он выглядел очень даже привлекательно, ростом высок, строен, лицом опрятен и даже смазлив, что не раз помогало ему в его жульническом ремесле. Свежестиранный красная рубаха, хорошо отряхнутые синие шаровары, и картуз одетый набекрень, в купе с начищенными сапогами довольно выгодно отличали его от прочих посетителей ярмарки. И такой вот парень удалец, разодетый красавец, занимался, к сожалению, лишь лукавым обманом да хитрым враньём. Уж больно он на это счёт смекалист и умён был, и знал, как половчее применить свои незаурядные способности.

Вот только жаль, что применял-то он их не в благих целях, а в низменных. Ходил по ярмаркам да базарам и каждый раз выбирал себе новую ничего неподозревающую жертву своего обмана. Высмотрит из толпы человека, что посолидней да поприличней выглядит, заметит чего тот понакупил, сделает выводы, да тайком проследит за ним, узнает, где и в каком доме он живёт. И если вдруг выяснится что дом тот зажиточный, а его хозяева состоятельные, то им уж теперь никуда не деться, попали они на заметку Алёшеньке, такую добычу он не упускал.

Уж у него были свои хитрые премудрости как с таких богатых горожан побольше денег стясти. То он забытым бедным родственником из далёкой деревни представиться, и навяжется к сердобольным хозяевам пожить недельку другую. То накинёт на себя старые лохмотья, да бродячим страдальцем-юродивым прикинётся, и, давя на жалость, на ночлег напросится. Ну а там глядишь, а он у них уже целый месяц живёт. Отъестся, денюжат у наивных домочадцев

повыманивает, и был таков, ищи его свищи. В общем Алёшенька к каждому зажиточному индивиду свой подход имел.

Но сначала он такого богатея обязательно выследит, всё подробненько про него узнает, и только тогда за дело возьмётся. Вот и сейчас, он, ловко обрядившись в заурядный наряд ярмарочного гостя, чинно прогуливаясь по торговым рядам умелым и наметанным взглядом, выискивал для себя очередную жертву. Прошёл уже час, как он, обойдя почти всю площадь, так никого и не приметил. Но вдруг, откуда не возьмись, прямо ему навстречу отделившись от колбасной лавки, выплывает степенная барыня, нагруженная с ног до головы котомками наивкуснейшего и дорогого провианта. Увидев такой аппетитный корабль, Алёшка аж слюной изошёлся, так ему сразу кушать захотелось.

– Вот это по мне дамочка, ... вот это недурной уловчик будет... – облизываясь, смекнул он, и тут же пристроился наблюдать, куда она двинется дальше. А двинулась она на выход. Алёшенька быстро кинулся за ней, и уже через пару минут они, следуя друг за другом, благополучно покинули ярмарку. А вскоре барыня, тяжело ступая и глубоко дыша, медленно, но верно вышла на одну из самых удобных и обустроенных улиц города. Здесь жили почтенные господа, богатые купцы, зажиточные домовладельцы, а так же некоторые преуспевающие в своём ремесле мадам-ворожеи и прорицательницы-гадалки.

Впрочем, это они только так назывались, на самом же деле то были простые помещичьи вдовы, в своё время перебравшиеся из опостылевших им вотчин-имений на городское проживание. И вот эти бывшие деревенские барыни, а ныне мадам-ворожеи, от нечего делать, занимались карточными пасьянсами и гаданьем на кофейной гуще. А уж в этих делах им равных не было. Понабравшись, в своих провинциальных, скучных, земельных вотчинах неоценимого опыта в раскладки пасьянсов, они теперь очень ловко применяли его в городских условиях, и надо отметить, что иные с большим успехом. Разумеется, у эдаких барынь водились приличные средства и жили они безбедно.

Вот как раз на одну из таких вдов, а по совместительству псевдо ворожею и напоролся наш Алёшенька. По её развалистой и всеобъятной походке он сразу понял, что барыня эта, состоятельная и обеспеченная женщина, вполне уверенная в своей доброте, хотя и прижимистая. Последнее он определил безошибочно.

– Раз уж столь пышная дама пришла на ярмарку одна и без прислуги, то она явно экономит и скопидомничает, ... а значит, как хозяйка – прижимистая. Ну а с другой стороны, поняла же она всего дорогого и вкусного, ... а это значит, что денежки-то у неё водятся... – ступая за ней следом, пытливо рассуждал он. Но вот они подошли к её дому, и все его сомнения мгновенно улетучились. Прекрасно отделанный, облицованный дорогим карельским шпоном, с резным витым балкончиком, дом выглядел небольшим, двухэтажным дворцом, благородным и зажиточным одновременно.

– Ух, ты... ну наверняка за этими стенами таяться изрядные богатства, ... а это значит, мне надо ими заняться... – суетливо потирая руки, с готовностью заметил Алёшенька. Решение было принято, и он, аккуратно запомнив расположение дома, поспешил ретироваться, дабы тут же начать готовить костюмированный спектакль кой он обычно разыгрывал для хозяев намеченных им жилищ.

Ну а барыня, ничего не подозревая о готовящейся для неё ловушке, безмятежно скрылась за дверьми своего цветущего особняка. Зря она, пока шла, не обернулась и не взглянула на вольготно идущего за ней паренька в красной рубахе. Иначе бы запомнила его, и вечером когда он, подготовившись, объявился у её дома, устроила бы ему достойную встречу. Но что уж теперь говорить, как вышло, так вышло.

2

А меж тем, Алёшеньке хватило всего несколько часов, чтобы хорошенько обдумать и приготовить свои лукавые каверзы, при помощи которых он рассчитывал влезть в душу вдо-

вушки-хозяйки и проникнуть в её роскошный дом. Вернувшись на ярмарку, он без труда завоевал доверие торговца колбасной лавки, и как бы невзначай порасспросил его о недавней покупательнице. Тот ему быстро и с большим удовольствием рассказал, что это была за барыня, и чем она занимается.

Узнав всё, что ему надо было, Алёшенька как обычно сделал должные выводы и, обрядившись в старые лохмотья под видом дряхлого бродяги, приплёлся к её дому. Хитрец определённо надеялся на вдовью сердобольность и жалостливость. Глубоко вздохнув и перекрестившись, он

негромко, но так чтобы его было слышно в любом уголке дома, постучал в дверь. Хозяйка к тому времени уже давно приготовила обед, и теперь отведав его, возлегала в гостиной на диване, сладко подрёмывая в предвкушении вечернего визита своей постоянной гостьи.

А той гостьей была молодая воспитанница её кухни, которая частенько навещала её на пасьянс с пытливым желанием узнать имя своего будущего избранника. Вот и сегодня вечером она должна была прийти. А потому, услышав стук в дверь, хозяйка ничему не удивилась и спокойно пошла открывать. Однако увидев на пороге оборванного и дряхлого нищего, вместо молодой опрятной девушки она резко отшатнулась в сторону, и чуть было даже не закрыла перед ним дверь. И лишь только светло-голубые глаза бродяги полные отчаянья, мольбы и боли остановили её.

– Чего тебе беда? – невольно пробормотала она.

– О, хозяйка, мне ничего от тебя не надо, ... скорее наоборот, это я хочу поделиться с тобой, ... а вернее, поведать тебе то, что сегодня ночью мне привиделось! Страшная беда грозит тебе и твоему дому! Всё твоё благополучие в опасности, если ты не прислушаешься к моим предостережениям и не выполнишь всех мер для собственного спасения! Именно это и привело меня сюда к тебе, ... сам же я человек божий, живу лишь благостью небесной, и корысти у меня нет... – печально склонив голову, размеренно и плавно, словно молитву, пропел Алёшенька. И такое сообщение произвело на вдову потрясающее впечатление. Как истово верующая женщина она была чрезмерно восприимчива к заявлениям подобного рода.

– Ух-ху-ху... и что же такого тебе привиделось, мил человек, ... чего такого страшного ты увидел в своём сне?! – ухая как сова, спросила она, ступив всей своей мощной фигурой ему навстречу.

– Ох, неладное я видел, нехорошее, ... всего сразу и не рассказать. Ну да бог с ним, попробую, ... был я вчера на дальней монастырской пасеке, братья во Христе меня мёдом угощали, ... разморило меня, и уснул я вечером крепким сном, ... прямо там же в стогу сена. А ночью спустился ко мне ангел и возвестил, ... живёт, мол, во столице одна вдовая барыня, добрая душа, ... и грозит ей напасть неминуемая, ... а так как ты есть божий человек и бесеребрянник, то должен ты пойти к ней и предупредить её о године тяжкой. Благословил он меня, и указал где искать тебя, и как от беды грядущей уберечь... – склонившись ещё раболепней, протяжно произнёс Алёшенька.

– Ах, божешь ты мой! Да что же это я тебя на пороге-то держу, ... проходи быстрее в дом, ... небось, долго шёл, устал, и голодный! Я тебя касатика сейчас накормлю-напою, а ты уж мне поведай, что за беда такая мне грозит и как её избежать... – схватив его за рукав и чуть ли не насильно затащив в дом, запричитала барыня.

Дело было сделано, Алёшенька, ловко подобрав ключик к вдовьему сердцу, быстро открыл себе дверь в её хоромы, а значит и к кладовым. Ну а дальше всё пошло как по маслу. Хозяйка, а звали её Матрёна Кузьминична вмиг перестав причитать, проводила его на кухню, усадила за стол, выставила целое блюдо всяких вкусностей и даже про свою знаменитую наливочку не забыла. Ходит возле него словно квочка перед цыплёнком и ласково так кудахчет.

– Накось милый, это съешь, ... а вот тебе ещё кусочек сладенький, ... да испей наливочки, она у меня на малиновом нектаре настояна, ... и грибочков с хреном томлёных отве-

дай... – обхаживала она его, дожидаясь пока тот отъестся и начнёт ей рассказывать. Это она всё по порядку, как полагается, сделала. Сначала напоила-накормила, а потом уже и к расспросам приступила.

Ну а Алёшенька грибочков-то откушал, наливочки испил, и тут ему от сытости-то сразу похорошело. Язычок у него развязался и давай он Матрёне Кузьминичне придумки свои говорить. Дескать, велел ему ангел не торопиться с рассказами, а докладывать всё постепенно, день за днём, по порядку, по одной истине за вечер. Мол, только тогда он её от беды уберезет, и туман напасти развеет. И лишь после столь длительного заговора заживёт она вновь, как и раньше, тихо и безмятежно. Вот ведь какую каверзу удумал хитрец.

Ну а Матрёна делать нечего, раз велено не сразу всё говорить, так велено. Возражать не стала, возьми и предложи Алёшеньке остаться у неё покуда он ей всё не расскажет. А тому-то только того и надо. Хотя он конечно для блезиру немного поломался, посопротивлялся.

– Ну что ты Кузьминична,... я, небось, тебе в тягость буду... уж лучше я на улицу пойду... там ночевать останусь. А вечером к тебе приходишь стану,... чтоб откровенно рассказывать... – слукавил он. А она и слышать ничего не хочет.

– Нет, никуда не пушу тебя, никуда не пойдёшь! У меня останешься,... ну не дай бог на улице с тобой что случиться,... что я тогда без тебя делать буду! Ты уж давая, устраивайся,... вон в гостевую комнатку ступай,... я тебе там уже и постелила,... перину пышную взбила, подушки на лебяжьем пуху уложила. Живи, сколько хочешь, только убереги меня от напасти... – говорит она ему, за руку берёт, в комнату ведёт, и сама лично спать его кладёт. Ну а Алёшенька как до перины добрался, так сразу же глазки закрыл и уснул крепким сном. И только он засопел, как в дверь постучались. Это молодая воспитанница кухни пришла, как раз настало время вечернего пасьянса.

А надо отметить, что воспитанница та никогда не опаздывала, и вообще была девушкой пунктуальной, прилежной и приличной. Ну а эти вечерние гадания с пасьянсами были для неё скорее каким-то аттракционом с ярмарки, чем серьёзным занятием. Просто уж так вышло, что ведя благообразный и целомудренный образ жизни, соблюдая все правила хорошего тона, она никуда лишний раз не выходила и прочих развлечений не признавала. Для неё, прежде всего, были важны честь и репутация, иных мерил она и знать не хотела.

И её можно понять, ведь она обладала весьма привлекательной внешностью, а поэтому постоянно подвергалась всякого рода соблазнам и искусам. Бывало, идёт она на прогулке, а за ней уже и хвост ухажёров разных мастей выстроился, и каждый из них норовит отличиться. Кто ей леденец-петушок предложит, кто ватрушку подаст, а кто и расписной платочек на плечи накинёт да на вечерку пригласит. Но только Любушка, а девушку звали именно так, никаких подарков не принимала и соблазнам не поддавалась. Косу свою русую тугую поправит, бровью крутой поведёт, глазами карими укоризненно взглянет, губами алыми гордо усмехнётся и дальше пойдёт.

Неприступная Любушка была аки крепость прочная, и непристойностей всяких не приемлила. Вот и сейчас пришла она к Матрёне Кузьминичне скорей ради отдыха от приставаний ухажёров распутных, нежели про судьбу свою спрашивать. И войдя в дом, она прямо с порога радостно приветствовала хозяйку.

– Доброго вам вечера Матрёна Кузьминична,... как здоровье,... как настроение? – учтиво спросила она.

– Ах, спасибо милая, хорошо,... а ведь вечер-то и вправду добрый. Мне сегодня ангел, гостя необычного послал,... чтобы тот меня от скверной напасти уберёг. Вот ты послушай-ка, что я тебе порасскажу... – начала разговор Матрёна и, приложив палец к губам, дабы соблюсти тишину проводила Любушку на кухню. Усадила её там за стол, налила ей чаю и продолжила начатое.

– Так вот, пожаловал ко мне сегодня под вечер оборванец нищий,... с виду больной и немощный,... хотя если приглядеться есть в нём какая-то неведомая сила,... и поведал он мне своё видение вещее. Выслушала я его, поверила ему, и оставила у себя пожить,... а виденье то, вот про что было... – отхлебнув из блюда чайку и закусив его кусочком пряного сахарка, пояснила Кузьминична, и тут же начала Любушке про ангельское предупреждение рассказывать да советоваться с ней, как такое может быть.

Тут и завязалась у них беседа задушевная, долгая и напряжённая. И длилась она ни час и не два, а уж почти полночь настала, когда они, наговорившись, уgomонились. Всё обговорили, всё обсудили и всем косточки перемыли, и ангелу что не велел про всё сразу говорить, и бедолаге бродяге, что весть принёс да толком ничего объяснить не смог, и даже монастырскому пасечнику досталось за то, что он нищего мёдом опоил.

Ну а что же ещё двум одиноким кумушкам после вечерней зорьки делать, только и остаётся, что об ангелах да их посланцах говорить. Так вечер и закончился, и уже луна взошла. Кузьминична, на ночь глядя, Любушку на двор не отпустила, постелила ей в малой комнатушке возле кухни. Впрочем, ничего удивительного в этом нет, такое уж не раз случалось, дело-то привычное, они частенько за полночь засиживались.

3

Но вот и ночь прошла. Пролетела, словно её и не было. Утром Любушка встала с первыми лучами, и сейчас же отправилась по своим делам. Не терпела она праздности, и сразу с утра старалась что-нибудь полезное сделать. По хозяйству хлопотала, порядок наводила, обед готовила, а то бывало, и с соседскими ребятишками время проводила. Соберёт их вокруг себя и давай азбуке или арифметики учить. Сама-то она уж больно учёная была, в гимназии образование получала. В общем, что знала, и чему её учили, то и детям преподавала. Склонность у неё к этому была, очень уж она детей любила и душевно с ними общалась. Ну а дети за это её уважали и во всём ей стремились помогать. Так оно всё и было. Вот и сейчас Любушка к своим подопечным поспешила, к занятиям их готовит

И только она ушла, как следом за ней тут же Матрёна проснулась, и сразу к своему вчерашнему гостю заглянула, попроведывать его, как он там. А он спит себе посапывает, лохматые волосы по подушке разметались, растянулся на перине и в блаженной улыбке расплылся. Присмотрелась Кузьминична к нему и видит бродяга-то совсем ещё молоденький, юный паренёк. И тут ей его пуще прежнего жалко стало. Сердце её сжалось, посмотрела она на лохмы его немытые, и пошла ему баньку топить.

– Ах, бедолага неприкаянный,... ну и выпало же на его долю всякого,... надо бы ему помочь,... отмыть, приодеть,... совсем ведь поизносился. Сапоги купить, рубаху новую, да и сюртук не помешает,... полно в лохмотьях-то ходить. Ох не пожалею денег, одену касатика,... а на что же мне их ещё-то беречь, коли такой человек в нищете прозябает... – пока топила печку, всё рассуждала Матрёна. Ну а как истопила, так и за дело взялась. Едва Алёшенька проснулся она его уже и в баньку завёт.

– Идикась милоч попарься, помойся,... а потом мы тебя приоденем, прихорошим,... только ты уж скажи мне, как звать-то тебя величать? – провожая его в баньку, спросила она.

– Да очень просто, Алёшенька,... уж так меня отец с матерью называли,... да только нет их больше на белом свете,... унесла их болезнь лихоманка проклятая, вот и остался я один одинёшенек, никому не нужный... – снова давя на жалость, грубо слукавил он. На самом же деле его родители были живы и здоровы.

– Ах ты, касатик, ах бедняга,... ну ничего, ныне я о тебе позабочусь,... не пропадёшь ты теперь, Алёшенька... – совсем уже расчувствовавшись от такого откровения и его милого имени, прослезясь заахала Матрёна. И это стало последней каплей в её решении оставить его у себя навсегда. Уж так он её разжалобил. Ну а после баньки, понакинув на Алёшеньку кой-

какую старенькую одежонку, повела она его по дорогим сюртучным лавчонкам да магазинчикам.

Все лавки обошли, ни одной не забыли, и те, что рядом стояли, и те, что на ярмарке были, и те, что на главной улице располагались. Всего понакупили, и яловые сапоги взяли, и новый сюртук подобрали, и даже рубаху атласную с галифе в полоску красную. Приоделся Алёшенька, идёт по улице, на себя вчерашнего совсем не похож, от сутулого уродца-оборванца не осталось и следа. Шагает гордо, грудь расправил, рубаху на показ выставил, нос задрал, а за ним Матрёна, словно служанка, семенит, и пакеты с покупками тащит. Вернулись они домой, а Алёшенька сапоги снял, и тут же в гостиной на диване растянулся.

– Ох, и устал же я Кузьминична, ... замучила ты меня, ... затаскала по всяким лавкам. Покой мне теперь нужен, ... не привык я к таким переходам... – бессовестно заявляет он ей и уже глазки прикрыл, подремать собрался.

– Ах, Алёшенька, касатик, ... да прости ты меня, ... не учла я этого, ... ты уж не сердчай, лежи, отдыхай, ... а я тебе сейчас отобедать приготовлю... – сердобольно отвечает ему Матрёна, да сию же секунду, лишь плед на него накинула, умчалась на кухню. А Алёшенька в плед укутался, усмехнулся, и задремал. А чего же ему хитрецу не дремать-то, ведь всё по его вышло. Его приветили, обогрели, накормили, одежду купили, и теперь ему осталось лишь обогреть легковёрную хозяйку и дело с концом. Но только он решил с этим не спешить, а растянуть удовольствие на подольше. Насладиться моментом, так сказать. Ну, когда ещё такая простодушная барыня ему попадётся. А меж тем, пока он беззаботно дремал да сны приятные видел, Матрёна обед ему приготовила, на стол накрыла, и давай его будить.

– Вставай касатик, ... поешь милок... – ласково позвала она. Алёшенька нехотя встал, до стола добрался, откушал, что ему приготовлено было, зевнул во весь рот, и как ни в чём небывало опять в свою комнатку отправился. Спать ему снова захотелось, и это не смотря на то, что он до этого уже час с лишним подремал. Ну а Матрёна только радуется.

– Вот и молодец, ... вот и хорошо, ... поспи, милок, сил наберись... – хлопчет она подле Алёшеньки, устраивая его на перине. А он в одеяло завернулся, головой в подушку уткнулся, и тут же уснул. Да так, что до самого утра и проспал.

Ну а на следующие утро всё повторилось точно в таком же порядке. Но только на этот раз, Матрёна вместо одёжных лавок повела его по кондитерским и понакупила ему всяких разных сладостей. Не преминула она зайти и в магазинчик с дорогими безделушками. Купила ему серебряную брошь для галстука да золотую цепочку под часы. В общем, баловала Алёшеньку как могла, лишь бы он не печалился. Ах, бедная Матрёна Кузьминична, она-то ведь его уже как за своё дитя посчитала и угождала ему словно родному. Им-то с мужем бог детей не дал. Как-то не получилось. А тут на тебе, такой ладный паренёк объявился, да ещё и с ангельским именем. Вот она и старалась, холила и баловала его от души.

А вечером всё по-прежнему вышло, поел Алёшенька, позевал, глазками похлопал, и опять спать отправился, а к Кузьминичне снова Любушка пожаловала. И вновь они за столом расположились, сидят, чай пьют да разговоры разговаривают. Матрёна с ней своими новостями делиться, про Алёшеньку рассказывает. Про то какой он пригожий, какой покладистый, и как он ей позволяет кормить его да одевать. А сама рада довольнёнхонька, что ей теперь есть о ком заботиться. Ну а Любушка её слушает, головой кивает да всё поддакивает.

– Ну и повезло же такую отраду повстречать, ... так глядишь, и станет он вам на старости лет помощником верным да утешеньем добрым... – поддерживает она разговор, а сама про себя думает.

– Это что же за парень такой, что я второй раз прихожу, а он всё спит и спит, ... может больной какой, ... надо бы его лекарю показать, ... никак хворый бедолага... – сморщив лобик, размышляет она. А Кузьминична знай себе, всё про него рассказывает, да остановиться никак не может. И вот опять уже время к полуночи близиться. Но только уж теперь Любушка заме-

тила, что темнеет и домой засобиралась. Распрощались они, условились на завтра встретиться да разошлись с благими намерениями ко сну отойти.

4

Так у них с того вечера и повелось. Как Любушка к Матрёне Кузьминичне придёт так они до поздна про Алёшеньку только и говорят. Уже и неделя прошла, а за ней и другая, а они лишь о нём и беседуют. И надо же такому быть Любушка за всё это время Алёшеньку так ни разу и не видела. Она как не придёт, а он всё спит и спит. И вправду, совсем заспался Алёшенька, отъелся, потолстел, щёки надулись, вот-вот лопнут.

Да ладно бы только это, так он ещё и абсолютно обнаглел. И то ему не так и это не эдак. А Матрёна аж из себя выходит, всё старается ему угодить. С утра каши наварит, блинов напечёт, а он проснётся, нос воротит и творога со сметаной требует. Ох, и изводит он Матрёну придирками своими. А если гулять идут, так он уже и извозчика заказывает, пешком идти никак не хочет. И каждый новый день норовит по-новому одеться.

– Надоел мне сюртук, ... купи костюм с жилеткой, ... и что же это у меня одна цепочка без часов торчит, ... часы мне купи, ... да и башмаки лаковые не забудь ... – настаивает он, заставляя Матрёну раскошелиться. И конца и края его наглым придиркам не видно. То он шёлковые портки запросит, то еды самой вкусной затребует. А кушать так за двоих стал, наестся и лежит делать ничего не желает, только спит да зевает.

Вот и сегодня наелся он до отвала, пузо сверх меры набил и как обычно в свою комнату поспать пошёл. Лег, лежит с боку набок еле переворачивается, пристраивается, чтоб ему поудобней было, а заснуть-то сил нет. То ли чего бодрящего съел, то ли что ещё ему помешало, но только уснуть никак не может и всё тут. А время-то идёт, уже и Любушка пришла, и они с Матрёной по своему обыкновению на кухоньке присели и беседовать затеялись. Матрёна как всегда про Алёшенькины обновления рассказывать начала и радуется. Любушка её слушает, улыбается, а про себя дивится.

– Как же так?... живёт он у неё всего-то ничего, а уж, такую власть над ней взял. Всё-то она для него делает, ... и то покупает и этим-то кормит, ... вот бы на него хоть одним глазком взглянуть, ... что же это за чудо такое... – думает она и всё на дверь поглядывает, может хоть сегодня он спать не будет, а пред ней появиться. И ведь как в воду глядела.

Алёшенька у себя лежит, не спит, ворочается и краем уха слышит, что на кухне разговор про него идёт. И говорят-то вроде негромко. Так, всего-то ропот тихий. Однако чем дольше ему не спиться, тем громче ему этот ропот кажется. И вот уже чудиться Алёшеньке, словно на кухне раскаты грома стоят, невтерпёж ему стало.

– Вот ведь бабы глупые, ... разтараторились, разбубнились ... спать не дают, ... уж я сейчас пойду, разгоню их ... – рассердился он. Еле-еле с кровати поднялся, ноги на пол поставил и на кухню пошёл. Заходит да сходу в крик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.